

Секция 2

Направления развития и совершенствования публичных отраслей права

<http://edoc.bseu.by/>

Е.В. Ананевич
БГЭУ (Минск)

К ВОПРОСУ ОБ УКЛОНЕНИИ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Осуществление любой хозяйственной (предпринимательской) деятельности базируется на принципах самостоятельности (в терминологии гражданского законодательства – «от своего имени и в своих интересах») и рискованного характера. Вместе с тем, ни один предприниматель не застрахован от недобросовестного поведения контрагентов, поэтому в таких случаях принципиальное значение имеет не только, собственно то, насколько тщательно были учтены все риски при осуществлении хозяйственной операции, в том числе, в части анализа личности и деловой репутации контрагента, но и тот факт, в какой мере в правовой системе выстроена целостная эффективная система юридических мер, позволяющих «пострадавшему» субъекту предпринимательской деятельности защитить свои интересы. Последовательное развитие ситуации предполагает обращение к юрисдикционным механизмам защиты прав: действующее законодательство предусматривает возможность получения исполнительной надписи нотариуса, судебное разрешение возникшего конфликта через исковое или приказное производство, использование исполнительного производства, доступ к альтернативным способам разрешения споров (примирительная процедура, коммерческий арбитраж). Вместе с этим, когда судебный акт получен, а должник продолжает не исполнять свои обязательства, либо в принципе различными способами тормозит исполнение судебного постановления, на первый план выходит наличие правовых возможностей воздействовать на недобросовестного контрагента, помимо правовых механизмов доступных в исполнительном производстве. И здесь значительную роль могут сыграть нормы уголовного и административного законодательства. Действующие Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее - УК РБ) и Кодекс об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ) предусматривают противоправность поведения должника в случае уклонения от погашения кредиторской задолженности, установленной вступившим в законную силу судебным постановлением (ст. 242 УК РБ и ст. 12.12 КоАП РБ) [1], [2]. В случае если размер кредиторской задолженности, от уплаты которой уклоняется индивидуальный предприниматель или должностное лицо, составляет тысячу и более базовых величин на день совершения уклонения, то такое деяние влечет уголовную ответственность по ст. 242 УК РБ, в противном случае - поведение квалифицируется как административное правонарушение по ст. 12.12 КоАП РБ. Уголовно наказуемое уклонение от погашения кредиторской задолженности

относится к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности (ст. 12 УК РБ), административный состав – это грубое административное правонарушение (ст. 2.2 КоАП РБ). Анализ соответствующих положений УК РБ и КоАП РБ свидетельствует, что законодательство при характеристике признаков субъективной и объективной сторон рассматриваемых составов правонарушений не относит к обязательным признакам (элементам) – цели, мотивы совершения правонарушения, конкретные формы (способы) совершения уклонения от погашения кредиторской задолженности. Вместе с этим, формы (способы) уклонения от погашения кредиторской задолженности могут быть весьма разнообразными: оказание незаконного воздействия на кредитора, сокрытие активов, за счет которых возможно погашение кредиторской задолженности, воспрепятствование законным действиям судебных исполнителей и др. В этой связи одним из проблемных аспектов применения ст. 242 УК РБ (ст. 12.12 КоАП РБ - соответственно) является вопрос об обязательной сопряженности (связи) деяния по неисполнению судебного постановления о взыскании кредиторской задолженности с производством по принудительному исполнению такового судебного акта. Данный аспект является дискуссионным как в части правоприменения, так и в юридической литературе: в большинстве случаев уклонение от погашения кредиторской задолженности в принципе рассматривается как частный случай неисполнения судебного постановления в рамках исполнительного производства. Так, к примеру, Хилюта В.В. отмечает, что «... уклонение от погашения кредиторской задолженности ... проявляется в активном торможении исполнительного производства ...», и полагает, что сам факт наличия неисполненного судебного постановления вне связи с исполнительным производством не может быть квалифицирован по ст. 242 УК РБ. Автор указывает, что «... само по себе судебное решение об имущественном взыскании вовсе не обязывает должника совершить какое-либо действие по уплате долга. Оно лишь констатирует факт наличия этого долга и предоставляет право взыскать его в принудительном порядке». Поэтому, «... статья 242 УК РБ не может применять лишь потому, что должник уклонился от погашения кредиторской задолженности при наличии возможности её погасить ...» [3, с. 89]. Представляется, что такая трактовка является ошибочной. В соответствии с положениями действующего белорусского законодательства одним из ключевых принципов правосудия в Республике Беларусь является принцип обязательности судебных постановлений, действий судьи. Статья 14 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей устанавливает обязательность судебных постановлений для всех государственных органов, иных организаций, а также должностных лиц и граждан в том числе в контексте вопроса исполнения на всей территории Республики Беларусь. При этом ни указанные правовые положения, ни соответствующие нормы законодательства о гражданском и хозяйственном судопроизводстве не обуславливают *процессуальную* обязанность должника исполнить судебное постановление (в нашем случае - о взыскании кредиторской задолженности) обязанностью кредитора обратиться за содействием к судебным исполнителям (т.е. обязательным производством по

принудительному исполнению судебного постановления). Обращение к механизму принудительного исполнения судебного постановления является мерой возможно, а не должного поведения для кредитора. Таким образом, обязанность исполнения судебного постановления о взыскании кредиторской задолженности существует независимо от возможности или желания кредитора прибегнуть к механизму принудительного исполнения и вне связи (в корреспонденции) с правом судебного исполнителя на осуществление свои властных полномочий по принудительному исполнению. В теоретико-правовом аспекте указанная проблема сведения уклонения от погашения кредиторской задолженности к неисполнению судебного постановления в исполнительном производстве должна разрешаться с позиции особенностей объекта посягательства в рамках ст. 242 УК РБ и ст. 12.12. КоАП РБ. Оба состава следует рассматривать, как составы правонарушений (уголовно- и административно-наказуемые) с основным и дополнительным объектами посягательства, о чем свидетельствует расположение составов преступления и административного правонарушения в главе 25 УК РБ «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» и 12 КоАП РБ «Административные правонарушения в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности» - соответственно. Таким образом, сведение объекта посягательства рассматриваемых правонарушений к простому неисполнению судебного постановления в рамках исполнительного производства в теоретическом плане полностью игнорирует основной объект посягательства – отношения в сфере нормального функционирования финансов и порядка ведения экономической деятельности, и смещает акцент анализа в сторону интересов правосудия (дополнительный объект). Вместе с этим, на сегодняшний день уклонение от погашения кредиторской задолженности существует как противоправное посягательство именно в рамках указанных глав УК РБ и КоАП РБ, и непринятие по внимание основного объекта посягательства возможно только при условии полной декриминализации рассматриваемых составов правонарушений в том виде, как сегодня они закреплены уголовным и административным законодательством, поскольку выбор и важность правоохраняемого интереса – это сфера принятия решения политико-правового характера.

Список литературы

1 Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2022.

2 Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., №275-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2022.

3 Хилюта, В.В. Уклонение от погашения кредиторской задолженности: проблемы привлечения недобросовестного должника к ответственности /

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА

Независимость, обеспечивающая самостоятельный выбор модели поведения участников уголовного процесса, является одним из ключевых свойств как адвокатской деятельности в целом, так и деятельности адвоката-защитника в частности. Так как адвокат-защитник в уголовном процессе непосредственно сталкивается с развитой системой правоохранительных органов и, являясь их процессуальным оппонентом, должен быть полностью свободен от какого-либо давления.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) термин «независимость» применяется по отношению к следователю, судье, однако, применительно к защитнику данный термин не употребляется. В то же время Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» № 334-З от 30.12.2011 регламентирует независимость в качестве одного из принципов организации адвокатуры и адвокатской деятельности, также в ст. 16 этого же закона отдельно закреплено положение, где регламентировано, что адвокат в своей деятельности независим и подчиняется только закону [1]. Правила профессиональной этики адвоката также содержат положение, закрепляющее независимость адвоката в своей профессиональной деятельности [2].

Несмотря на то, что проблемы независимости адвоката-защитника часто рассматривались в трудах многих ученых, законодательное и общепризнанное доктринальное определение независимости защитника в уголовном процессе всё еще не выработано.

Следует обратить внимание на понятия «независимость защитника» и «независимость адвоката», ведь в уголовном судопроизводстве в качестве защитника допускаются лица, не обладающие статусом адвоката, а деятельность адвоката в рамках уголовного процесса далеко не ограничивается статусом защитника, ведь адвокат в уголовном процессе может быть в качестве представителя потерпевшего или адвоката свидетеля. На наш взгляд, данные понятия являясь самостоятельными конструкциями, взаимодополняют друг друга.

Также, ошибкой будет отождествлять понятия «независимость адвокатуры» и «независимость адвоката». Поскольку, первое понятие предполагает свободу всего сообщества адвокатов в целом, выражающуюся в возможности свободно осуществлять прием в ряды адвокатов, привлекать лиц, обладающих статусом адвоката к дисциплинарной ответственности, принимать